

Р. Ш. Ганелин

Дело М. М. Литвинова на XVIII конференции ВКП(б)

О разногласиях наркома иностранных дел М. М. Литвинова со Сталиным автору настоящей заметки уже приходилось писать с опорой на существующую литературу и опубликованные источники, как и об обстоятельствах снятия Литвинова с этого поста в мае 1939 г.¹ Но унять его не удавалось. Вопреки окончательно установившемуся при Сталине партийному обычаю, бывший нарком и на XVIII партконференции в феврале 1941 г. не произнес слов покаяния, как и на том Пленуме, на котором начался процесс выведения его из ЦК, он предсказал гитлеровское нападения на СССР. По видимому, опасаясь чего-то подобного этому, Сталин при открытии последнего заседания конференции, посвященного организационным вопросам, по словам первого секретаря ЦК КП(б) Карело-финской ССР Г. Н. Куприянова, «перед лицом всего зала без обвиняков распорядился убрать стенографисток»². Вождь понимал, что речь Литвинова может вызвать отклики со ссылками не только на первый советско-германский договор, но и на второй, упоминаний о котором следовало избегать. Со стороны Сталина это была особая предосторожность, так как стенографический отчет полностью не публиковался ввиду военно-промышленной тематики повестки дня.

«Прений не было, — продолжал свою запись Куприянов. — Дали слово только Литвинову и Жемчужиной (П. С. Жемчужина-Карпович — жена В. М. Молотова. — *Р. Г.*). Литвинов выступил горячо, но как-то вычурно говорил, заумно. ... Все пыльные слова Литвинова сводились к единственному вопросу: “Скажите, за что?”.

Сразу же ему дал ответ Сталин, ответил сидя, со своего места:

— Товарищ Литвинов горячится зря. Сегодня он не понимает нового курса внешней политики. Товарищ Литвинов устарел».

Однако «новый курс внешней политики», как назвал Сталин свое сближение с Гитлером, вызывал беспокойство не только у Литвинова. Куприянов поделился с заговорившим с ним Сталиным своими опасениями за безопасность границы на Севере. Он был в таких опасениях

**Ганелин Рафаил
Шоломович,**
доктор
исторических наук,
член-корреспондент
РАН.
eganelin@mail.ru

не одинок, но скоро убедился, что принятие и безоговорочное одобрение «нового курса» — вопрос преданности партии и Сталину, а сомнения в этом — не только неблагоразумны, но и могут быть так же опасны, как и попытки вспомнить о явно устаревших нормах партийной жизни и этики.

«После окончания конференции, — продолжал свои записи Куприянов, — бывший секретарь Ивановского обкома И. К. Сейдин, с конца 1939 года он стал заместителем наркома путей сообщения, пытался уговорить нас, некоторых секретарей обкомов и ЦК партии, пойти на прием к товарищу Сталину и попросить его рассказать нам о международной обстановке. Очень уж тревожное положение сложилось на Западе. Я охотно поддержал его, хотя уже имел беседу с товарищем Сталиным. Но хотелось побеседовать обстоятельно, т. к. немецкие войска уже стояли в Норвегии, их боевые корабли наши посты на Рыбачьем видели невооруженным глазом.

Но попасть к товарищу Сталину нам не удалось. Его помощник А. Н. Поскребышев сказал: “товарища Сталина дней десять не будет в Москве. Не звоните”³. В записи Куприянова речь идет об И. К. Седине, заместителе министра нефтяной промышленности.

В действительности же Сталин после конференции в течение двадцатых чисел февраля и всего марта оставался в Москве⁴. Отказ Поскребышева, за которым, несомненно, стоял Сталин, даже если допустить изменение его намерений, означал ту самую безответственность вождя, преимуществам которой учил немцев Енукидзе после прихода Гитлера к власти⁵.

Отказ во встрече со Сталиным заставил Куприянова обратиться с вопросом о Литвинове к О. В. Куусинену. Ответ этого многоопытного деятеля большевизма был выдержан в духе житейского назидания. Вот как записал это Куприянов: «Литвинов хорошо знает Англию, — медленно, подбирая слова, начал Куусинен. — Опытный, хитрый дипломат. Языком владеет, у него жена — англичанка, дома говорят на английском. Максим — за добрые отношения с Англией. А товарищ Сталин держит, как известно, курс на сближение с Германией. Ты, Геннадий, должен помнить 23 августа 1939 года. В тот день мы подписали договор с Германией о ненападении сроком на 10 лет. Развиваются экономические связи, идет обмен опытом. Мы продаем немцам зерно, древесину. Максим не верит Гитлеру, называет его мошенником, авантюристом, недоучкой. Это я сам слышал своими ушами. Вот и получил отставку. Надо было молчать. Устарел старик Литвинов, устарел. А немцев не любит потому, что еврей. Его настоящее имя Мейер, а фамилия Валлах. Мы с ним давно знакомы, он старый член партии, вступил в нее ещё в прошлом веке. Жену его знаю, Фейви Лоу, славная дамочка»⁶.

Итак, вместо предупреждений о гитлеровской угрозе, при всей их обоснованности, Литвинову «надо было молчать», а всем следовало исходить из того, что «товарищ Сталин держит, как известно, курс на сближение с Германией». Между тем, поток сведений о предстоявшем гитлеровском нападении, шедших в Москву, был неиссякаем и разнообразен...

---

¹ Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной. Отношения между вождями и каналы политических связей. СПб., 2010.

² Гордиенко А. Куприянов и его время. Петрозаводск, 2010. С. 178–179.

³ Там же. С. 180.

⁴ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1996. № 2. С. 40–42.

⁵ Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной. Отношения между вождями и каналы политических связей. СПб., 2010. С. 63–64.

⁶ Гордиенко А. Куприянов и его время. Петрозаводск, 2010. С. 180. — Кроме Литвинова была выведена из ЦК и жена Молотова. Среди предупрежденных был брат Л. М. Кагановича, М. М. Каганович. Таким образом, влияние двух ближайших соратников Сталина было подорвано. Это усиливало его безответственность, а заодно демонстрировало уменьшение числа евреев в ЦК (Кроме Литвинова и Жемчужиной, был также выведен нарком лесной промышленности Н. М. Анцелович). Впрочем, еврейское влияние в СССР не казалось Риббентропу, специально рассматривавшему это в Москве, таким уж значительным (Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной. Отношения между вождями и каналы политических связей. СПб., 2010. С. 136). С другой стороны, одновременно с отстранением Литвинова, заместителем наркома иностранных дел был назначен еврей С. А. Дридзо-Лозовский, а в 1940 г. первый заместитель наркома В. М. Молотова, русский В. П. Потемкин, деятельный сторонник сталинского курса на сближение с Германией, стал наркомом просвещения РСФСР.